

На улице — погода, в мыслях — ты

НОЧЬ ПЕРЕД МАСТЕРСТВОМ

Два часа воевал с тараканами:
Накрывал тараканов стаканами.
Поджигал, заливал их воском,
Развлекался картинками Босха.

Жег свечу и курил в постели.
Слушал радиоточку — там пели,
Разлетались по комнате тапки.
Открывал окно, а там гадко.

Долго бегал глазами по стенам.
Наслаждался задумчивым пленом,
Что-то грезилось там — вдали...
Уважаю Сальвадора Дали.

На веревке качались носки.
Все они засыхали с тоски.
Я закрыл дверь в квартиру на скотч.
Провожу с тараканами ночь.

Каждый день пожелтевшей страницей...
А мне б с любимой женщиной в Ниццу
По полям рододендронов красных,
В белых брюках по пирсу с прекрасной.

Я проснулся, а нет тараканов,
Стали слишком пустыми стаканы.
Мне хотелось сегодня влюбиться.
Но что-то очень болит поясница.

Я счастлив, что моя душа,
Хоть и любительница фарса,
В своих исканьях не дошла
От Маркеса до Маркса.

Я душою огромен не в меру.
Так что есть против смерти уловка —
В похоронном бюро на Петровке
Нет гробов моего размера!

Не болею, не курю. не трачу
Денег я на "Белый Мор" и дым.
Нужно срочно бросить пить, иначе
Я уже не буду молодым.

Все заметнее в глазах твоих усталость,
Так ложатся тени на закате.
Не хочу знать, сколько мне осталось
Быть с тобой. Мне все равно не хватит.

Я не против брачного союза,
Только разве дело в белом платье?..
Катет умножается на катет,
Только это не гипотенуза.

"АБЗАЦ"

Вот он подкрался незаметно.
И клонит в сон.
Грачи летят сродни кометам
Отсюда вон.

Сегодня споры беспредметны.
Я так устал.
Ведь он подкрался незаметно
И вдруг настал.

ПОЕЗД "МОСКВА — АДЛЕР"

"Во время стоянки не пользоваться туале-
том" —
Красными буквами на двери сортира.
Там, за дверью — единственный выход из
мира.
Из открытого окна улица кидается ветром.

Сквозь дыру в полу — лестница рельс.
Провода, как плохо натянутые струны
Неизвестного инструмента. Акварель с
Настойчивостью контролера прет в окно.
Со спины

Несется с назойливостью цыганки
Музыка — бесконечные индийские напевы.
Теплое "Жигулевское" из трехлитровой
Проникает внутрь задыхающегося тела.

Солнце, хохочущее в окна светом,
Можно считать безупречным эквивалентом
Сверхнаглости. Особенно, если лежать
"валетом"
И плясать на проплывающую мимо ленту

Деревьев, крыш, вокзалов, станций,
Кричащих тетя, продающих мороженое

Сергей Загребнев — очень молодой актер Театра на Покровке под руководством С.Арицбашиева. Год назад он закончил Высшее театральное училище имени М.С.Щепкина (курс профессора В.И.Коришкова) и минувшей зимой дебютировал в премьерном спектакле театра "Мой бедный Марат" А. Арбузова. В своеобразной трактовке режиссера, разделившего пьесу на три временных периода и явившего нам трех Маратов, Леонидиков и Лик, Загребнев сыграл Марата — естественно, младшего. Сыграл обаятельно и достаточно тонко, продемонстрировав явные свои актерские способности. Его судьба в этом театре пока (не сглазить бы!) обещает состояться. Арицбашиев занял его во многих своих старых спектаклях и берет в новые. Ну, конечно, Сережа Загребнев, с его юным и наивно-открытым лицом может быть замечательным Беляевым, учителем Верочки в "Месяце в деревне". И наверняка, еще кем-то и кем-то...

Наши разговор о первой сыгранной им роли закончился неожиданно. "Можно, я покажу вам свои стихи?" — спросил он. "Конечно", — ответила я своему вчерашнему студенту и приготовилась прочесть нечто, близкое к графоманству. Ну, что может написать милый, пусть и способный актерски, мальчик, в возрасте, когда стихи пишут почти все! И что там вообще может таиться за этим обаятельно-простоватым обликом недавнего школьника!

Стихи оказались неожиданными. В них есть юмор и ирония современного человека, взрослого и кое-что знающего о мире. Во всяком случае размышляющего о нем. В них обнаружилось культура и хороший вкус в подражательстве: интонация некоторых стихотворений, конечно, в известной степени заимствована, но заимствована у Бродского! В них светится какая-то глубина личности, может быть, еще не успевшая проявиться на сцене. Сегодняшняя публикация — поэтический дебют актера-дебютанта Сергея Загребнева. Разумеется, все это только прелюдия. Но ведь ему едва за двадцать. Удачи вам, Сережа!

Ирина ХОЛМОГорова

И все остальное, как положено, —
Все обращается Вальпургиевым танцем.
Самое главное в такой обстановке
Ни в коем случае не пропускать остановки,
Выходить покурить на улицу,
Приобретая копченую курицу.

Мысли неизбежно наталкиваются на влагу:
Незатейливые мечты о душе,
Не о душе. так как слишком душно...
Время тянется, как туалетная бумага.

Невозможность заснуть пахивает роком.
Обливаешься потом, как яблоко соком.
Начинаешь вспоминать знакомых
И от злости казнить насекомых.

Ловкость рук Украинской таможни
Поражает. Ищут наркотики.
Вынимают из сумок все так "осторожно".
Что на сердце скребутся морские котики.

Появляются горы, плохо очерченные —
вдали,
Взгляд прилипает к ним, как одежда к коже.
Люди расплываются, как часы на картине
Дали.
Во всяком случае — довольно похоже.

СОНЕТ

В настроении, приподнятом до подбородка,
Я ввалился домой сквозь дверной проем.
Она вышла навстречу, улыбаясь кротко.
Повисла на шее в один прием.
Я стиснул ее, и долго-долго
Мы стояли в прихожей вдвоем,
Не проронив при этом ни слова...
Наконец, мы очутились. Молча.
Я разделся со скоростью смерча.

Через пять секунд мы были в постели
Отбрасывая в стороны мысли и тени,
И тут она назвала меня Вовой...

Любовная лодка разбилась... Обидно.

Мой усталый анфас
Вряд ли радует глаз.

Бесцветный снег в окно летит,
Входная дверь слегка скрипит.
И он, махнув на все рукой,
Спокойно спит.

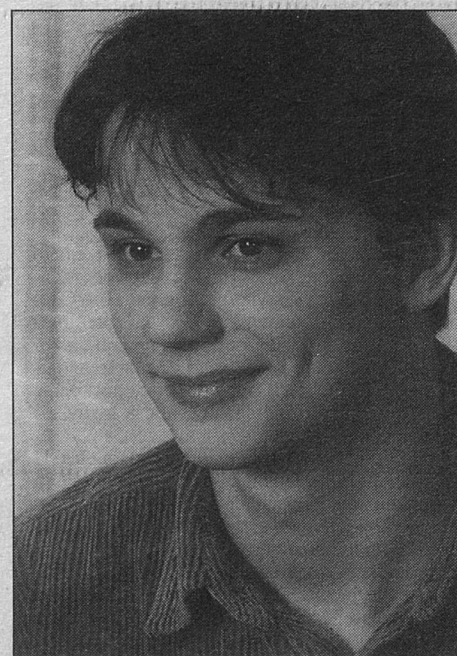
И под подушкой "тик-так"
Качает маятником в такт.
Он начал новенькую жизнь
Опять не так.

Чужие лица в образах.
Белье замочено в тазах.
А он лежит и видит сны:
Круги в глазах.

Бесследно прожитый январь.
Аптека, улица, фонарь.
И он по-прежнему живет
Бессмысленно, как тварь.

Бесцветный снег в окно летит.
На кухне чайник в нос свистит,
Но он не слышит ничего.
Он крепко спит.

Неужели я, скотина,
Не могу без никотина?..

Качаются качели во дворе.
Качаются снежинки в феврале,
Качаются качки на протеине,
Качаются на вешалке штанины.
Качается от ветерка трава.
Качаются, качаются права.

Слева — море. справа — ты,
Чайки гадят с высоты.
Я иду по побережью —
Гений чистой красоты.

Мне грустно оттого, что сто кило в тебе.

На дверце шкафа кринолин
Висит, пылится.
Давай-ка сходим в магазин
И купим пиццу.

Моя законная жена,
Как Мельпомена.
Давай возьмем чуть-чуть вина,
К вину — пельменей.

Пусть нету денег ни хрена,
Бывало хуже.
У нас, любимая жена,
Сегодня ужин.

У нас сегодня юбилей.
Закроем двери.
Вдвоем зароемся теплой
В постель, как звери.

Проснемся завтра: кринолин
На дверце шкафа...
Мы вместе сходим в магазин.
И купим каши.

На улице — погода, в мыслях — ты,
А завтра понедельник и зарплата.
Я знаю, ты боишься темноты.
Еще не спишь и тянешься к халату.

Включаешь свет и ходишь босиком
По комнате, к которой так привыкла,
Что хочется общаться с ночником
И никогда не нажимать ему на "выкл".

Мой чай остыл, за окнами светает.
На улице — погода, в мыслях — ты.
И я не сплю лишь оттого, что знаю
О том, что ты боишься темноты.

Похолодало. Пахнет сентябрем.
Погода — сказка, грех не выпить пива.
А мы с тобой по-прежнему красиво
Друг другу врем.

Шуршит листва. Мы под руку устало
С тобой идем, чуть-чуть грустим о том,
Что слишком сильно пахнет сентябрем.
О том, что вдруг похолодало.